
СЛАВЕЛЬЩИКИ.

(Святочный рассказ).

Рождество.....

Уже вечерѣтъ. Исчезли лучи зимняго солнца, и надъ землею, закутавшеюся въ бѣлую снѣговую шубу, встаетъ вечерняя заря. Морозъ—красавецъ ходитъ по избамъ села Панава. Заглядѣлся онъ въ окна, да и разрисовалъ ихъ своимъ причудливымъ узоромъ. Нѣтъ—нѣтъ, да и пристукнетъ онъ въ одну-другую избу, словно въ гости запросится.

Стали отъ него ребятишки прятаться въ избы. Не любить онъ ихъ—кого щипнетъ за ухо, кого за носъ, кого за щеку,

Вотъ ихъ цѣлыхъ пять около одной хорошей избы. И не хочется уходить ребятамъ въ избу. Они то потрутъ себѣ уши, щеки и носъ, то повозятся другъ съ другомъ, то побѣгаютъ, а все же морозъ донимаетъ малышей этихъ.

Трое изъ ребятъ — Васюха лѣтъ 12, Ванюха 10 и Кузька пяти — изъ хорошей той избы, подлѣ которой они возились. Митюха лѣтъ десяти — сосѣдъ этимъ троицъ. Семка — тоже сосѣдъ имъ, но съ другой стороны. Онъ молоканинъ и лѣтъ тринадцати.

— Митюха, Семка! Пойдемъ къ намъ грѣться! Ишь какъ студено стало, такъ и хватаетъ за ухо. Пойдемъ, ребята! Сказалъ Васюха.

И дѣти съ шумомъ бросились въ избу.

Въ избѣ уже засвѣтился огонь, и отъ только что зажженный лампы сильно отдавало керасиномъ. Шумѣлъ праздничный самоваръ около печки. Столъ былъ накрытъ по праздничному, и на немъ виднѣлись чайныя чашки. За столомъ возилась съ кренделемъ маленькая дѣвочка Аннютка, а возлѣ нея увивался котенокъ. Мать стояла у самовара и подкладывала въ трубу лучину. Бабка хозяйничала то съ чайницей, то со связкой кренделей.

— Дверь-то затворяйте, ишь вамъ разжарило на двоѣ-то! крикнула на вбѣжавшихъ въ избу ребятъ мать.

— Мамока! я ошанъ, поспѣшилъ заявить Кузька.

— Ну, лѣзь скорѣй на печь, отогрѣешься, сказала мать, снимая съ Кузьки платокъ, которымъ онъ былъ повязанъ поверхъ шапки и раздѣвая его разноклинный полушубокъ. Но Кузька не въ разъ полѣзъ на печь.

— Бабуська, а бабуська, дай клендиль!.. запросилъ Кузька, увидавъ у бабки связку кренделей.

— Ты, ни ямай, ты башой дай! приставалъ къ ней Кузька, увидавъ, что та хотѣла отломить крендель.

Получивъ большой крендель, онъ влѣзъ тотчасъ на печь.

Вдругъ, фыркнувъ, прыгнувъ оттуда большой старый котъ, почуввъ врага, любившаго таскать его за хвостъ.

— Полѣземъ и мы, ребята, сказалъ Ванюха, любимецъ бабки, успѣвшій у ней выпросить себѣ, брату и сосѣднимъ своимъ товарищамъ по цѣлому кренделю.

И вотъ съ печки, немного свѣсившись, выглядывало пять дѣтскихъ головокъ, весело болтавшихъ между собой.

Кузька то и дѣло переходилъ на печкѣ съ одного мѣста на другое. Наконецъ, онъ зацѣпился за Митюхины ноги и растянулся на Васюхѣ. Тотъ завозился, и у него посыпались изъ кармана копѣйки. Кузька было захныкалъ, но просыпавшіяся копѣйки заинтересовали его, и онъ умолкъ. Васюха подбиралъ копѣйки.

— Лежи на одномъ мѣстѣ, што ты прыгаешь туды и суды, какъ котенокъ!.. сердился и урезонивалъ онъ Кузьку, который уже былъ возлѣ него и хватался за его копѣйки.

— Не тронь, а то прибью.

Но Кузьку не смущало это, и онъ приставалъ къ Васюхѣ.

— Вапуха! Ты много хапѣйковъ напавилъ, дай одну, дай!

— Утромъ далъ одну, и будя съ тебя, отговарился Васюха, успокоившись и собравши снова копѣйки въ карманъ.

И Кузька сталъ выпрашивать у остальныхъ ребятъ „хапѣйки“, но никто такъ и не далъ ему. Болѣе всѣхъ онъ присталъ, наконецъ, къ Ванюхѣ, но тотъ постарался занять его другимъ разговоромъ, и успѣлъ въ этомъ.

— Кузька! сказалъ онъ, ты не умѣешь славить.

— Шавить! Нѣтъ, вутчи тебя.... успѣшилъ заявить Кузька.

— Ну, давай славить вмѣстѣ, говорилъ Ванюха.

— Давай шавить..

Ванюха затянулъ „Рождество“, за нимъ картаво подтягивалъ что-то едва разборчивое Кузька. „Рождество“ у нихъ

плохо выходило. Но вотъ и остальные ребята присоединились къ нимъ, и дѣло поправилось. Пѣли сначала тихо, а потомъ все громче и громче. Мать и бабушка принялись подтягивать ребятамъ. Даже маленькая Анютка раскрыла ротъ и шевелила губами. Вошелъ отецъ, потомъ дѣдъ и, раздѣвшись, сѣли подлѣ печки у печурокъ и присоединились къ общему хору.

Но вотъ на столѣ задымился самоваръ. Мать загромычала чашками. Славленіе прекратилось. Васюха, Ванюха и Кузька тотчасъ очутились за столомъ и захватили себѣ по кренделю и чашкѣ чаю. Хорошая бабушка пригласила къ чаю и Митюху съ Семьей. Скоро и вся семья во главѣ съ дѣдомъ пила чай, съ удовольствіемъ подливая въ чашку горячаго чая „забѣлочку“—густаго молока. Кузька вспомнилъ про „хапейки“ и заговорилъ.

— Шомка! Ты школька нашавилъ?

— Я не ходилъ, Кузекъ, славить... сказалъ Семка.

— Ты дома бабушки шавилъ?

— И дома не славилъ.

— Ты Лиждештво не умѣешь? Продолжалъ Кузька.

— Нѣтъ, умѣю и пѣть умѣю, нехотя отвѣчалъ Семка.

— Не шавилъ... не умѣешь... неумѣешь"... началъ было задорно подразнивать Семку Кузька.

Но за Семку вступился Ванюха, его большой пріятель.

— Отстань Кузька! У молочанъ не славютъ... Семкѣ не велѣла мамка, а онъ умѣетъ славить. Рази не слыхалъ давеча на печкѣ съ нами славилъ?

Но Кузька не унимался.

— У молочанъ нѣтъ Лиждештва! Шомка! Нѣтъ у васъ, а у насъ есть! Э...э...э... нѣтъ... нѣтъ... Ни шавилъ.. Бабушка тебѣ не шказывала...

— Кузинька! не обижай Сему, замѣтила бабушка.

— Сема! Какъ бабушка вчера намъ про Рождество рассказывала!... Вчера пришли мы послѣ всенощной, озябли,

легли на печь, а бабушка и рассказывала... Горячо заговорил Ванюха.

— У Семки бабушки нѣтъ, посиѣшилъ заявить Митюха; хотя всѣ знали объ этомъ.

— А моя бабушка не умѣетъ сказывать, продолжалъ онъ.

— А наша?! у, какъ хорошо, сказываетъ!... Она всѣ книжки наизусть знаетъ. Нашъ учитель все по книжкѣ рассказываетъ, а бабушка, какъ начнетъ, такъ и валяетъ наизусть... Хвалился Васюха Митюхѣ.

— Бабуська! Шкажи Митки и Шомки Лиждештво, приставалъ Кузька къ бабушкѣ.

Шкажи, бабушка!... Шкажи!...

Отъ просьбъ Кузьки всегда было трудно отговориться, а бабушкѣ тѣмъ больше; она любила его и самые капризы его исполняла.

И вотъ, бабушка поставила чашку на столъ, и приготовилась говорить. Дѣти примолкли. Даже большіе оставили свой разговоръ. Только котенокъ кувырчался около Аниутки, но Кузька и его заставилъ шмыгнуть подъ лавку, дернуть и щипнуть за хвостъ его.

— Милыя дѣтки, говорила бабушка, давнымъ давно это было РождествоХристово,—давнешинько.. Жила Божія Матушка у одного старичка—плотника. Жили они далеко отъ родной сторонушки. Пришолъ имъ царскій приказъ—идти въ родную то сторонушку и писаться тамъ. Пошли они. А Божія Матушка въ тѣ поры родить ждалась. Пришли они въ родную сторонушку, а тамъ народицу съ разныхъ сторонъ собралось тьма тьмуцая. Некуды имъ было дѣваться, они и остались въ полѣ, а на ночлехъ помѣстились въ овечій загонъ ночной. Вотъ-тутъ и въ это самое время, ночью-то, и родила Божія Матушка младенчика Бога, Христа Спасителя нашего,—старуха перекрестилась при этомъ.

— Бабуська! У Божей Матушки манивнѣй Богъ родился, такой манивнѣй, какъ Митюхинъ Ванька вчаша ладилша.... Успѣлъ вставить свой вопросъ Кузька.

— Да да., родиминѣй! Слушай дальше!

Какъ родился это онъ, младеньчикъ-то Божій, Богъ-то нашъ, Иисусъ Христосъ, подхватили Его ангелочки Божіи, звернули въ пеленочки, положили въ ясли на сѣнцо душистое, обступили Его кругомъ, поклонились Ему и стали Его славить, пѣть Ему по Божественному. Потомъ полетѣли они на поле къ пастухамъ, что овечекъ стерегли. Напужались сильно пастухи тѣ. Ангелы сказали: не пужайтесь! Какая радость-то случилась! Богъ на землѣ родился. Лежитъ онъ у васъ въ загонѣ, въ ясляхъ. Въ пеленочки мы завернули его. Поклонились Ему, нашему Господу, славили Его и воспѣвали: Ступайте и вы теперь къ Нему, поклоняйтесь Ему и славите!... И какъ эфто самое проговорили они, отверзилось небо, и увидали пастухи столько Божіихъ ангелочковъ, что и перечестъ нельзя. Всѣ ангелочки славили Господа, Рождество-Христово прославили.

Слушали пастухи, и глазамъ и ушамъ ихъ не вѣрилось, слушали они, што отрадѣсь не слышали и глаза не видали. Потомъ закрылось небо и улетѣли ангелочки. А пастухи пошли къ загону овечьему. Да какъ ступили въ него, такъ и ахнули. Сидитъ возлѣ яслей Божья Матушка, такая веселая-веселая. За яслями стоитъ старечекъ сѣденькій, самъ радъ радышенекъ.... А въ ясляхъ-то, ясляхъ, лежитъ Богъ младеньчикъ такой красоты, какой и въ картинкахъ не умѣютъ писать, Божьей красоты, дѣтки, Божьей, лежитъ Онъ и сіяетъ, и свѣтъ отъ Него такой, что глаза залипаютъ. Упали пастухи предъ Нимъ на колѣни и долго Его славили, и слезы проливали, и радовались, какъ вы, дѣтки, Рождеству радуетесь. А Божьей Матушеѣ все отъ слова до слова рассказали, что говорили имъ ангелочки на полѣ. Идутъ пастухи назадъ къ овечкамъ своимъ, а на душкѣ у нихъ радость великая, го-

рить сердечко ихъ; смотреть на небо они, а оттуда звѣздочки имъ улыбаются.

— Бабуська!.. И Ягорка шавить ходилъ? Не утерпѣлъ спросилъ Кузька, думая, что сельскій пастухъ Егоръ былъ тогда съ пастухами.

Нѣтъ роднивькій, Ягорки тогда не было, а были другіе пастухи.

Кузька успокоился, а бабушка продолжала говорить.

— Младенчыка Бога приходили, дѣтки, славить издалека люди мудрые и ученые, которые всѣ науки знаютъ, а привела ихъ большая звѣзда.

— Вотъ съ той поры, дѣтки, мы и славимъ Рождество Христово. Всѣмъ, милые, надо славить,—всѣмъ. Ангелочки слали, пастуховъ научили славить и всѣмъ, всѣмъ, дѣтки, велѣли они, ангелочки, славить.

А вамъ, дѣтки, всѣхъ больше надо славить. Вы младенцы, и Богъ младенець былъ; души у васъ—ангельскія.. Какъ запоете вы Рождество, —Богу пріятно, людямъ радостно! Поете вы, а мы, старики, смотримъ... смотримъ.. а среди васъ —Богъ младенець, сіяетъ и васъ благословляетъ, а вы, какъ ангелочки, поете Богу Своему... Ухъ, какъ радостно, смотрѣть мнѣ на васъ дѣтки... ажно сердце въ груди замираетъ! Пойте, дѣтки, Рождество,—пойте. Ангелочки пѣли и всѣмъ повелѣли. Грѣхъ тѣмъ, большой грѣхъ, кто Христа не славить, Рождество Его не поетъ. Пойте, дѣтки, пойте, милыя, пойте!... Голосъ старухи зазвенѣлъ, рѣчь оборвалась... И вдругъ всѣ дѣти, съ раскрытыми ртами слушавшія бабушку, враз запѣли „Рождество“, точно кто толкнулъ ихъ. Забыли чай, крендели, молоко.. Раскраснѣлись и пѣли..

Но вотъ произошло замѣшательство.

Всѣ остановились пѣть. Семка, видимо съ удовольствіемъ пѣвшій „Рождество“, вдругъ расплакался.

— Што ты? што ты?... о чемъ ты это Сема?...

Не плачь, милый!. Всѣ взрослые принялись его уговаривать.

— Какъ што? Выхипываль Семка... Ангелочки пѣли и всѣхъ научили.. А я не славиль Рождество"... Грѣхъ будетъ... У насъ не велятъ... Зря это у насъ... Грѣхъ будетъ... Боюсь!.. А пѣть то, вѣдь, какъ хорошо; слезу прошибаетъ!..

— Не плачь, Семушка,— не плачь милый! говорила бабушка. Грѣхъ тебѣ не будетъ; ты съ нами пѣлъ.. Вотъ вырастишь большой, большой; тогда самъ отъ молканъ отстанешь и будешь съ нами пѣть Рождество.

— Буду, буду, бабушка. Ангелочки велѣли, я люблю ихъ... Говориль Семка, нѣсколько успокоившись.

— Шома! не плачь! Я люблю тебя, говорилъ суевѣсившійся около Семки Кузька ..

Вотъ какъ люблю!.. И Кузька вдругъ обнялъ Семку и крѣпко поцѣловалъ ..

И вдругъ всѣмъ стало радостно и весело!

Точно Самъ Христось пришелъ въ среду дѣтей и принесъ великую радость...

С. Н. Р.
